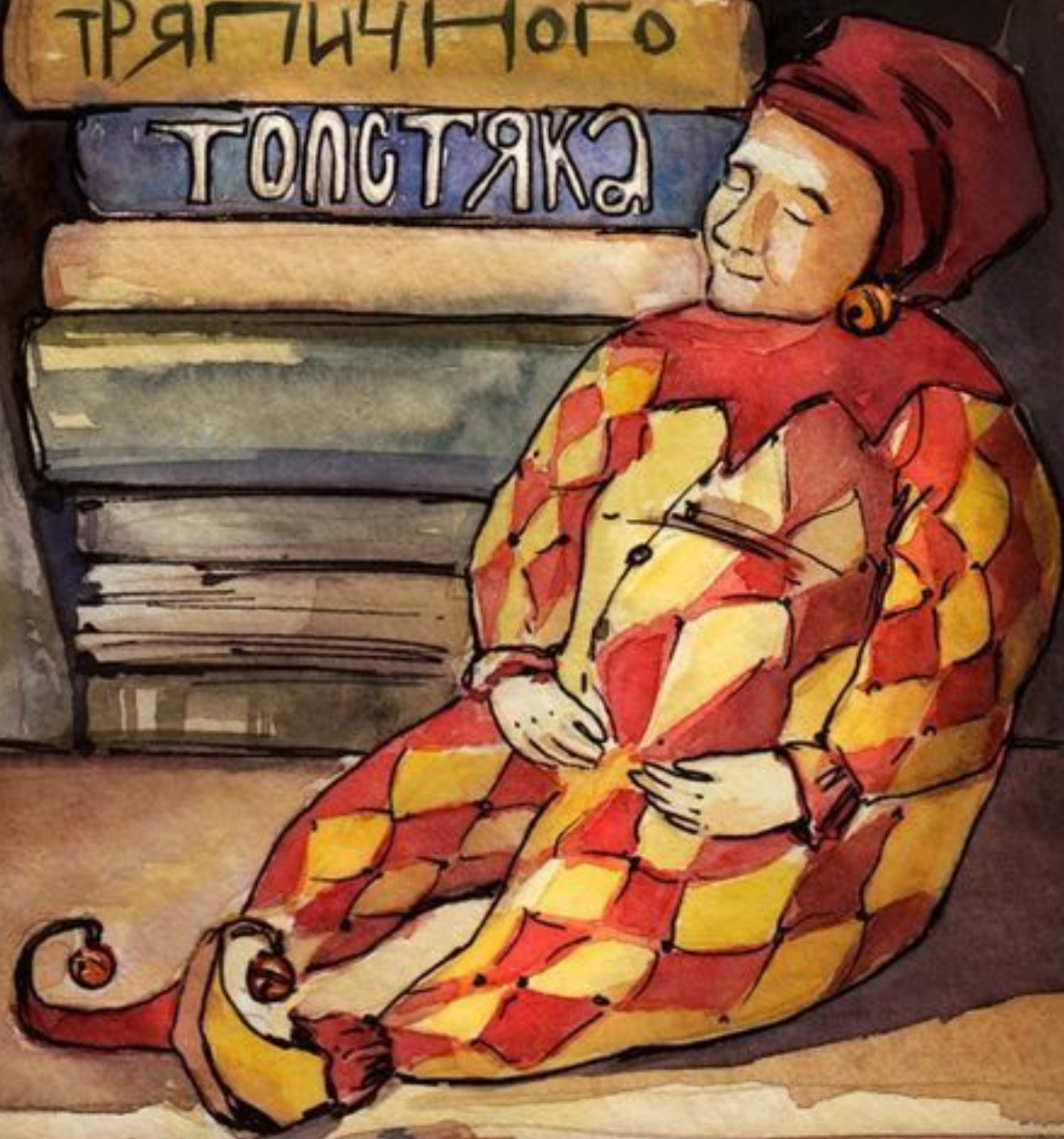

АЛЕКСАНДР ДУБНИН

СКАЗКИ

ТЯГЧИНОГО

ТОЛСТЯКА

Александр Дубинин

Сказки тряпичного толстяка

«Издательские решения»

Дубинин А.

Сказки тряпичного толстяка / А. Дубинин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-742767-2

Из этой книжки вы узнаете о том, откуда берется пыль, что случается с забытыми мыслями, почему ночь не такая темная, как нам кажется, и куда приводит вера в чудеса. Восемь небольших историй, рассказанных на ее страницах, помогут вам по-новому посмотреть на некоторые простые вещи и не разучиться мечтать...

ISBN 978-5-44-742767-2

© Дубинин А.
© Издательские решения

Содержание

От автора	6
Моя жизнь на средней полке	7
Свый	10
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Сказки тряпичного толстяка

Александр Дубинин

Моей, навсегда маленькой, Све-Све

Дизайнер обложки Екатерина Владимировна Киланянц

© Александр Дубинин, 2017

© Екатерина Владимировна Киланянц, дизайн обложки, 2017

ISBN 978-5-4474-2767-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

Вообще-то, я попал в этот дом случайно. Меня подарили какие-то друзья семьи. Хотя сначала, ещё в магазине, меня хотел купить довольно представительный господин с коричневым портфелем, бакенбардами и солидной плешью. Но у него, видимо, не хватило денег или ещё что-то. Уж я не знаю. И в итоге я оказался там, где я есть.

Ростом я не больше книги. Не какого-нибудь там большого словаря или толстой энциклопедии, а самой что ни на есть обычной книги, романа, например, или сборника рассказов. Наверное, поэтому меня и поставили на полку рядом с книгами. Я сделан из какого-то тряпичного материала, мои бока, руки, ноги и плечи накрепко сшиты двойным швом. Так уверял моих покупателей продавец в магазине. А голова и кисти рук у меня из самого настоящего фарфора. Хотя это не повод гордиться, однако вселяет чувство собственного достоинства. Одет я в яркий праздничный костюм арлекина, красный с жёлтым, с золотыми пуговицами, а на голове надет большой колпак с металлическим шариком на конце. Колпак загнут так, что этот шарик всегда болтается слева от моего лица. На моих ногах обуты особые ботинки с загнутыми кверху носами. Один ботинок красный, а другой жёлтый, и на их загнутых носках тоже есть блестящие металлические шарики.

Уж не знаю – кому это вдруг пришло в голову сделать меня арлекином? Ведь в душе я совсем не весёлый и не забавный, каким должен быть. Мне тоже иногда бывает грустно, особенно по ночам. Но видно, на то воля моего создателя. И ещё этот чудак сделал меня толстым: не слегка пухлым и не очень уж большим, а так, средней толстости. Интересно, о чём он думал? Впрочем, это не такая уж и большая беда, если поразмыслить хорошенько. Многие появляются на свет совсем не такими, какими хотели бы быть. И вот как часто получается: снаружи видишь одно, а внутри совсем другое. Не знаю, правда, что у меня там внутри, да и не хочу знать. Похоже, что-то тёплое и мягкое.

В тот осенний день, когда меня принесли в дом, всё время лил дождь. Это был мамин день рождения. Мама была высокая и нарядная в своём голубом платье. Она взяла меня, оглядела со всех сторон и очень мило мне улыбнулась. Все они обрадовались мне, особенно сын. Это был смешной пятилетний мальчик с кудрявыми светлыми волосами. Он никак не мог усидеть на месте и всё время ползал под столом, в ногах у гостей, или пытался пройти по комнате на руках, но у него ничего не получалось. Он шлёпался на спину и громко смеялся.

Меня передавали с рук на руки, тискали, мяли мне живот. И каждый из гостей непременно считал нужным отпустить шутку в мой адрес или сделать мне комплимент. Нельзя сказать, чтобы такое обращение и вся эта суматоха могли мне сильно понравиться. Но я всё равно был рад. Потому что люди были рады мне.

Папа тогда взял меня на руки, улыбнулся и спросил у тех, кто меня принёс:

– Где вы откопали такого тряпичного толстяка?

Это совсем не было мне обидно, потому что он сказал это с улыбкой, как-то по-дружески. Потом он посадил меня на полку в стенном шкафу, на самое видное место в большой комнате.

Вот так в тот пасмурный день и началась моя жизнь в этом доме. Совсем забыл: с того дня за мной и закрепилось это прозвище – Тряпичный толстяк, или просто Толстяк – так меня зовут для краткости. Что ж, имена ведь тоже не выбирают, да и мне досталось не самое плохое. Значит, можете звать меня Толстяком.

Моя жизнь на средней полке

Начну с того, что меня посадили на среднюю полку в шкафу. То есть надо мной была ещё одна полка и одна внизу. Это было не слишком низко и не слишком высоко. Со своего места я хорошо видел телевизор, а ещё кусочек улицы за окном. Думаю, можно сказать, что место у меня было отличное. Об этом мне ещё говорила Стеклянная Кошка, которая сидела на полке подо мной. Что? Вы не знали, что стеклянные кошки умеют разговаривать? Не знаю насчёт остальных стеклянных кошек, но эта уж точно умела. Погодите, я вам ещё и не такое расскажу.

Иногда, обычно это бывало по выходным, мама брала меня, пересаживала на край телевизора и протирала пыль на моей полке. Мне это очень нравилось, потому что я не люблю пыль. Когда наступала ночь, можно было немного поразмяться. Вы никогда не поверите, что творилось в комнате ночью. Цветы, которых много стояло на подоконнике, начинали переговариваться. Мадам Герань обычно жаловалась соседям на то, что мама редко её поливает, а маленькое деревце Бансай, которого перенесли в большую комнату из спальни, наоборот, радовался, как тут светло и тепло бывает днём, и всем говорил, как хорошо ему теперь стоять на этом самом окне.

Стеклянная Кошка, про которую я вам уже рассказывал, потягивалась, сходила со своей стеклянной подставки и начинала прогуливаться по полке взад и вперёд. Она была белого цвета с рыжими пятнами, такая тонкая и красивая, и имела длинный-предлинный хвост. И ещё на шее она носила тёплый белый шарф, который свисал почти до самых кончиков её лап. Стеклянная Кошка почти никогда не ходила дальше своей полки. Видно было, что она всем довольна и никуда больше не хочет.

А я слезал со своего места и обычно шёл проведать своего лучшего друга. Да-да, представляете, у меня завёлся друг. Он тоже стоял на окне и его звали Цветок. Почему, спросите вы? Почему не Кактус, не Комнатная Роза или, например, Диффенбахия? Ведь у всех цветов есть имена. Да, всё это так. Только настоящего имени моего друга не знал никто, даже мама с папой. Поэтому мы все звали его просто Цветком. Он и выглядел не так, как другие цветы: из тёмно-зелёного горшка с белыми полосками, где он рос, расходилось во все стороны множество отростков, похожих на щупальца осьминога, и они были все в шипах. Но что было странно, так это то, что они почти совсем не кололись, как, например, шипы розы. Вот этого я никак не мог понять. А раз или два в год мой друг цвёл каким-то необычным коричнево-пятнистым цветком. Вот такой был у меня друг.

Я забирался по шторе к нему на подоконник, садился рядом с ним, и мы оба глядели в ночь. Во дворе, на который выходило наше окно, был всего один фонарь. И его света нам было достаточно, чтобы видеть небольшой магазинчик около нашего дома, часть дороги, припаркованные машины и редких ночных прохожих. В темноте все они были чёрными и серыми. Наблюдать за прохожими было нашим любимым занятием. Мы всегда пытались отгадать, откуда и куда они идут. Почему ночью они не спят в своих постелях, как другие? Цветок сказал мне, что, наверное, некоторые люди, как и я, могут жить только ночью. Похоже на то.

А ещё мы видели ночное небо. Оно тоже было тёмным, как и сама ночь, но было усыпано множеством звёзд. Какие-то светили ярче, какие-то чуть слабее. Наверное, они были старше тех, ярких звёзд, и уже устали светить, поэтому-то не слишком старались. Так думали мы с Цветком. Но самое главное, на небе была луна. Цветок сказал мне, что она старше всех этих звёзд, и больше их, и светит ярче, потому она и главнее. И я соглашался с ним. Это ведь от луны исходило столько света, что даже если погасить фонарь под нашим окном, всё равно будет неплохо видно.

Кстати, знаете ли вы, что ночь на самом деле совсем не тёмная? То есть, конечно, она темнее дня, но её нельзя назвать тёмной. Так считают только те, кто не дружит с ней и не знает

её. Как-то я слышал, как по телевизору один человек сказал «тёмный как ночь». Уж он-то точно с ней не дружил. Что можно назвать по-настоящему тёмным, так это тени. Потому что даже у самой тёмной ночи есть луна и звёзды, чтобы её освещать, а ни у одной тени ничего этого нет. Можете мне поверить. Я видел много ночей.

Иногда, особенно в летние ночи, когда на небе не было облаков, луна казалась очень близкой. Казалось, она спустилась почти к самому нашему дому и заглядывает в наше окно. В такие ночи мне очень хотелось как-нибудь залезть на неё и посмотреть на всё оттуда, с самого неба. Думаю, если её вежливо попросить, она бы согласилась покатать меня на заливке. Я спрашивал об этом у Цветка, но он отвечал, что луна очень далеко от нас и если её попросить, то она не услышит, поэтому залезть на неё никак нельзя.

Иногда лил дождь. Он стучал по карнизу с другой стороны окна, совсем рядом с нами. А зимой шёл снег. Снежинки медленно кружились и падали в свете одинокого фонаря, и мы с Цветком всегда любовались ими. Особенно красиво было, если это был первый снег. Вы знали, что первый снег обычно выпадает ночью? То-то же. Мы всегда были очень ему рады. Представьте, что вы вдруг встретили хорошего друга, с которым давно не виделись. Так же радовались и мы тогда. На наш дворик, усыпанный жёлтыми листьями, на серую дорогу, всю в замёрзших лужах, на голые деревья медленно опускались снежинки. И всё: кусочек двора, который мы видели, крыша магазинчика и машины, – всё постепенно становилось белым-белым. Казалось, этот дворик за нашим окном ждал снега. Мне и сейчас так кажется. Так мы с моим другом проводили ночи.

А иногда ночью я просто оставался сидеть на своей полке. Тут тоже можно было узнать много всего интересного. Замечу, что шкаф, в котором я жил, был книжным шкафом, и на всех его полках стояло множество книг. Может быть, я открою вам секрет, но книги страшно болтливы. Когда наступает ночь, они очень любят поговорить. Точнее, они не говорят, а только шепчут то, что в них написано. Их язык очень тихий, и понять его нелегко. Особенно когда они говорят всё сразу и перебивают друг друга. Но если прислушаться хорошенько, то и их вполне можно разобрать.

Большую половину моей полки занимали книги какой-то Алгебры, а остальную часть, неизвестно почему, заполняли девять книг из собрания детских сказок. Не знаю, что за писательница была эта Алгебра, но её книги говорили так запутанно, да ещё такими словами, что я, как ни старался, никак не мог разобрать, о чём они мне шепчут.

Зато со сказками всё было по-другому. Слушать их было очень интересно. Когда я придвигался к ним поближе, все они начинали наперебой шептать мне разные удивительные истории. Я выбирал какую-нибудь одну из них и прислушивался, и мог сидеть так до самого утра. В шкафу было ещё полно книг, и многие из них я переслушал. У Стеклокной Кошки, что жила подо мной, вся полка была заставлена разными словарями и справочниками. Все они были большими и толстыми. Некоторые даже толще меня. А ведь это меня звали Толстяком. В них было много-много всего, и казалось, если дать им волю, они могли бы шептать всё время, не отдыхая даже днём. Конечно, Кошка, за то время, пока там жила, успела переслушать их все. Наверно поэтому она была такая умная, редко разговаривала с кем-нибудь и держалась с таким достоинством. Казалось, она знает какой-то очень важный секрет и не спешит делиться им с другими. Из всех этих её энциклопедий я тоже узнал немало о мире людей, но всё равно они быстро наскучивали мне.

Была ещё третья полка – та, что помещалась надо мной. Там никто не жил и книги стояли самые разные, без всякого порядка. Там можно было услышать плач бедной Танечки, уронившей в речку свой мячик, и совсем рядом боевой клич какого-то индейского племени, идущего в атаку на полчища бледнолицых. Пожалуй, эта полка была самой интересной из трёх, но сказки так и остались моими любимыми.

А знаете, какая из них нравилась мне больше всего? Это была история про одного деревянного мальчика. Что? Скажете, мальчики не бывают деревянными? А я вам отвечу, что этот мальчик был особенный. Он был кукла, совсем как я, только с длинным носом и ростом с обыкновенного человеческого мальчика. И ещё он мог говорить с людьми и не сидеть днём на одном месте. Но что меня в нём удивляло, так это множество странных поступков, которые он совершил. Зачем, например, он сбежал из дома от своего отца? Ведь, кажется, тот был очень добрым. Я бы никогда не променял свою полку с книгами ни на что другое. Ведь тут мне было хорошо: мама почти каждую неделю вытирала у меня пыль. У меня был друг, и к тому же днём я мог смотреть телевизор. Но самое главное, чего я никак не мог понять, это то, что тот мальчик всё время хотел стать человеком. Да-да, вы не ослышались, обыкновенным человеческим мальчиком. Но ведь жизнь людей так сложна! Им постоянно надо есть и пить, и ещё спать. И вообще – они так много всего хотят, что путаются и не знают, чего же им хочется больше. Но самое главное, что они даже не успевают посмотреть на ночное небо, часто не замечают первый снег, насколько я знаю, не мечтают забраться на Луну или просто не видят, как красивы цветы, что стоят у них на окне. Поэтому иногда мне бывает их жаль.

Конечно, вы можете не согласиться со мной, потому что, честно говоря, я встречал не так уж много людей и знаю о них только из книг или телевизора. Но одно могу сказать точно: они мне нравятся.

СВЫЙ

Однажды у нас в комнате завёлся Свый. В той самой, большой комнате, где я жил. Никто из нас его никогда не видел, и никто не знал, кто он такой.

В ту ночь, когда он появился, я сидел на своей полке и слушал свои любимые сказки. Сын спал на диване в другом углу комнаты. Было темно, только луна слегка освещала всё вокруг. По потолку пробегал свет от фар проезжающих машин. Они ехали где-то там, внизу, под окном, и ползли по нашему двору медленно-медленно, как-будто наощупь. Хотя по телевизору я видел, что они могут ездить довольно быстро. Думаю, они привыкли ездить днём, когда светло, и просто плохо видят в темноте.

Я подумал, что хорошо бы слазить на подоконник и спросить у Цветка, ведь ему должно быть лучше известно. И только я это подумал, как услышал какой-то странный звук. Он был чем-то похож на звук машины, но потом я услышал, что кто-то скребётся. Сначала мне показалось, что это моя соседка Стеклянная Кошка прогуливается по своей полке. Я наклонился, свесил голову и посмотрел вниз. Стеклянная Кошка лежала, растянувшись и прищулив глаза.

«Но кто же тогда это может быть?» – подумал я и не на шутку испугался.

Мальчик заворочался на диване и проснулся. Он тоже не понимал, откуда идёт этот звук. Он долго оглядывался по сторонам и, наконец, расплакался. И тогда я понял: этот звук был под диваном. Казалось, что там кто-то ползает и ему там тесно. И тогда я подумал: «Раз ему тесно под диваном, должно быть, он большой».

Когда на плач мальчика пришли мама и папа и зажгли в комнате свет, звук прекратился. Похоже, тот, кто ползал под диваном, всё-таки испугался папу и предпочитал не связываться с ним. Потому что папа был самый большой, даже больше мамы. Мальчик плакал. Он показывал вниз, под диван, и всхлипывал. Он говорил, что там сидит Свый. Так он дал имя тому, кто был под диваном.

Папа покачал головой и сказал, что завтра они все вместе отодвинут диван и посмотрят, что там. Сын всё ещё плакал. Тогда мама обняла его и сказала, что всё хорошо, что это всё ему просто приснилось и никто больше не будет его пугать. Она гладила сына по голове, и скоро слёзы у него перестали течь, он уткнулся в мамино плечо и только тихо шмыгал носом. Мальчик лёг в постель и накрылся одеялом, а мама взяла его за руку и сказала, что ему приснится добрый карибу, который будет играть на гитаре и петь песни. Кто такой этот карибу, я и до сих пор не знаю. Думаю, что сын тоже не знал. Но он смеялся. Потом просто улыбался. Постепенно слёзы на его щеках высохли, а глаза медленно начали закрываться. Он засыпал. Казалось, он уже не помнил ни Свья, ни своего страха. Но когда мама ушла, оставив спящего сына, мне всё ещё было тревожно. Я боялся, что этот Свый выпрыгнет из-под дивана и съест нас с мальчиком, а потом, может быть, и маму с папой. Но той ночью Свый больше не рычал. Наверно, он тоже захотел спать.

На следующее утро никто так и не отодвинул диван. Похоже, все просто забыли про Свья. «Но как они могли забыть?» – думал я. Нет, они не забыли, они просто не поверили сыну и решили, что Свья нет, что он просто приснился ему.

Меня это очень огорчило. Я никак не мог понять, почему так случилось. Знаете, в сказках люди верили во все чудеса, которые с ними происходили. И там всё всегда заканчивалось хорошо. Но все эти истории были очень давно, и с тех пор что-то изменилось. Теперь, если папа потрёт чайник или графин, из него не вылетит джинн и не станет исполнять его желаний, а мама не сможет стать принцессой или лягушкой, даже если очень захочет. Они думают, что этого не может быть. Им легче поверить в прогноз погоды по телевизору, хотя я сам не раз замечал, что он врёт. Поэтому они не знают и не видят многого из того, что происходит совсем рядом с ними. Когда мама поливает свои цветы на окне, она и не думает, что все они могут

говорить и надо просто уметь их слушать. А это так же верно, как то, что я сейчас рассказываю вам эту историю.

Когда наступила ночь и сын заснул, я перелез на подоконник к Цветку. С ним мне было не так страшно в темноте. Я спросил его, почему папа и мама не поверили в Свья. А он сказал, что это потому, что никто из них его не видел. Тогда я снова спросил:

– А что если они увидят его? Тогда они поверят и прогонят Свья?

– Наверное, да, – отвечал мне Цветок.

– Тогда, – сказал я, – я выманю его оттуда.

– Тогда тебе нужно оружие, – заметила мадам Герань.

– Да-да, оружие, чтобы обороняться, – вторил ей Фикус.

– Возьми одну из моих веток, – предложил Цветок, – она вся в шипах и может сойти за оружие. Отломи, мне это совсем не больно.

– Нет, – сказал я, – твои шипы ведь не колются. Ты слишком добрый, чтобы колоться. Таким оружием нельзя победить Свья.

– Тогда, – сказала Комнатная Роза, которая до этого молчала в своем горшке, – тогда тебе нужна ручка. Она лежит около газеты, на маленьком журнальном столике, что стоит рядом с диваном. Папа вчера оставил её там после того, как разгадывал кроссворд.

Я решил, что ручка вполне подойдёт. Ведь я мог поразить её Свья, как копьём, или просто его ударить. Тогда все цветы, которые стояли на окне, начали хвалить меня, желать удачи и подбадривать. И я понял, что мне уже почти не страшно лезть под диван.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.